

тивы и настроения, казнящий даже случайные мысли, скользнувшія по поверхности души.

Очень рано сказывается склонность къ философскимъ размышленіямъ и въ связи съ ними—прямолинейная потребность сильной и здоровой души—реализовать выводы, осуществляя ихъ немедленно въ жизни. Толстой приходитъ къ мысли, что счастье обеспечивается умѣніемъ переносить страданія—и вотъ онъ уже терзаетъ себя по цѣлымъ часамъ, выдерживая на рукахъ до полнаго изнеможенія огромные фоліанты отцовской библіотеки. Черезъ нѣкоторое время онъ приходитъ къ новому выводу: жизнь коротка, она заканчивается смертью, поэтому нужно торопиться наслаждаться настоящимъ, и молодой философъ отшвыриваетъ учебники въ сторону и три дня валяется на диванѣ, читая романъ и поѣдая карамельки. То вдругъ ему приходитъ въ голову чисто шеллингіанская мысль, что предметы существуютъ только, какъ наше къ нимъ отношеніе, и юный философъ торопится такъ быстро оглянуться назадъ, что бы захватить пустоту до нашего къ ней отношенія¹⁾. Очень рано обнаруживается Толстой и нѣкоторая странность. Не даромъ Брандесъ называлъ его немного страннымъ человѣкомъ. Такъ напр. по рассказу одной изъ тетушекъ Толстого, онъ рѣшилъ, что кланяться слѣдуетъ наоборотъ, не такъ, какъ все и вотъ въ одинъ прекрасный день появляется онъ въ гостиную задомъ на передъ и кланяется, откидывая голову къ затылку...

Бѣриль ли Толстой въ юности?—повидимому, не болѣе, чѣмъ все дѣти нашей интеллигентной среды; то есть скорѣе довѣрялъ привычкамъ и традиціямъ среды, не придавая имъ серьезнаго значенія. Такая вѣра не крѣпко держалась въ дѣтской душѣ и при первомъ напорѣ скептицизма развѣивалась. Когда Толстому было немного болѣе 10 лѣтъ (1838), изъ гимназіи пришелъ Володя Милютинъ и сообщилъ о важномъ открытии; открытие состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и все чѣму насыть учать—однѣ выдумки. „Помню, пишетъ Толстой, какъ старшіе братья заинтересовались этой новостью и мы все, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе, какъ что то очень занимательное и возможное“.

Это не мѣшало, конечно, дѣтской душѣ жаждать иной вѣры и любви.

Въ „Отрочество“ мы видимъ, какъ этотъ дѣтскій идеализмъ превращается у Иртеньева подъ вліяніемъ Неклюдова „въ восторженное обожаніе добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправлять все человѣчество, уничтожать все пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимой вещью,—очень легко казалось и просто исправить самою себѣ, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ“.

¹⁾ П. Н. Бирюковъ. Біографія т. I. стр. 108 и др.